

Дорога впереди только начала вырисовываться. Осознав, насколько она трудна, начинаешь чувствовать эту трудность. Если же не замечать препятствий, то, возможно, это всего лишь дорога.

Напротив всё та же группа профессиональных нищих, снова притворившихся калеками, обменивающими один земной поклон на юань.

Пожилая женщина с внучкой прошла мимо, наклонилась и бросила юань в пластиковое ведро перед одним из нищих.

Шао Ицянь невзначай выпалил:

— Не дай, он же мошенник.

Это предупреждение наделало кучу проблем. Нищие по обе стороны разом уставились на него, взгляды их пронзали, в них читалась откровенная злоба. По спине Шао Ицяня пробежал холодок. Он с опозданием осознал:

«...Чёрт, я, получается, сорвал с них покров и отрезал путь к деньгам».

Было раннее утро, прохожих на дорогах почти не было, только эти профессиональные нищие пришли на «работу» по расписанию. Вскоре несколько членов шайки окружили его, перекрыв все пути к отступлению.

Без сомнений, беда пришла из его уст, и несколько человек избили.

Правила общества всегда прямолинейны: для людей на дне слабость означает унижение, а так называемая «человечность» — это забава, которую позволяют себе только благородные люди.

Шао Ицянь почувствовал, как всё тело пробрал холод. От ударов кулаками и ногами было не так больно, как он ожидал, просто длилось это долго, долго, пока его веки не начали слипаться. Голова раскалывалась, в мозгу каша, и в полумраке он услышал очень приятный, уверенный голос:

— Светлое время суток, а вы, братцы, так нагло, не боитесь, что вас громом убьёт?

Затем он потерял сознание, а последняя мысль издевалась над другими:

«...Кто этот идиот, что ртом пукает? Я вот спрости тебя, видел ли ты хоть раз, чтобы гром кого-нибудь убил?»

За дурные дела бывает расплата, судя по его прошлым подлостям, его бы давно уже убило молнией тысячу раз.

Очнувшись, он открыл глаза — вокруг кромешная тьма, где-то вдалеке звенела посуда. Вскоре тень открыла дверь, щёлкнула выключателем.

Лицо тут же осветила лампа, у Шао Ицяня закружилась голова. Сто лет нужно, чтобы встретиться в одной лодке, тысяча лет, чтобы не избавиться от призрака. Как в воду глядел: не иначе как враги встретились на узкой дорожке, снова этот уборщик.

Человек был высок и сухопав, щёки впали, небрежно приколол чёлку розовой заколкой, на лоб вылезло два прыща — вид весьма комичный. В одной руке он держал пучок зелёного лука, в другой — коробку соуса для макания, во рту был надкусанный кусок маньтоу. Несмотря на

такой приземленный образ, по какой-то причине он производил впечатление настоящего элиты.

Эти два темперамента казались несовместимыми, но... возможно, дело было в свете, эти две совершенно противоположные ауры он сварил в одном котле, и на первый взгляд это выглядело даже оригинально.

— Очнулся? Ну-ка, посчитаемся.

Лю Цзивэнь отложил всю еду, оторвал лист бумаги, подошел и сел на край кровати. На лодыжках виднелись носки разного цвета: один красный, другой зелёный. Шао Ицянь готов был поспорить головой, что в каком-нибудь углу прятались пары дырявых носков.

— Жаропонижающее — двадцать за штуку, принёс тебя на спине — плата за труд, пусть будет десять юаней, прожил у меня день — даже в гостинице это пятьдесят стоит. Итого... восемьдесят юаней и десять центов.

Лю Цзивэнь быстро подсчитал, получил результат и сунул бумагу прямо ему перед нос.

У Шао Ицяня передёрнулось в горле, он почувствовал, что этот гад пользуется его беспомощностью. Ему очень хотелось отmaterить этого типа с ног до головы. Он выхватил бумагу, пробежался глазами, показалось полной чушью:

— Пургу гони, я... я тебя вообще не знаю, откуда мне знать, правду ты говоришь или нет?

Лю Цзивэнь сделал совершенно безразличный вид, потом встал и снова принялся грызть лук, грыз очень аппетитно, щёки надулись, выдавая форму луковицы, казалось, он грызёт не лук, а курицу.

Шао Ицянь был озадачен. Не говоря уж о правде или лжи, но такое отношение к взысканию долгов, такая непрактичность, отсутствие амбиций — где бы его не уволили? Отрицательный отзыв!

Он уставился на цифры на бумаге, брови понемногу нахмурились, просто убей на месте.

Затем, через мгновение, он увидел, что в свободной руке у этого подлеца, жалеющего даже десять центов, мелькает светло-зелёная бумажка. Он судорожно полез в карман и мысленно выругался матом: этот подлец забрал у него самую важную вещь — домовую книгу!

Просто... блин...

Лю Цзивэнь, увидев его раскаяние, понял, что сделал правильную ставку. У этого парня в кармане лежит домовая книга, а он при этом прячет десять юаней и не тратит. Либо он очень сентиментален, либо у него мозгов нет. Первый вариант казался более вероятным, иначе не найти другого объяснения.

У похожих людей есть что-то общее. Скрыта ли в грубом камне яшма, эксперт с одного взгляда определит с вероятностью восемь-девять из десяти. С первого взгляда он мог прочесть в его глазах всё его упрямство, как когда-то давно в себе самом.

Из другой комнаты донёсся звук бурлящего супа. Он не спеша вышел, налил полную миску, принёс и поставил на тумбочку, затем взял ручку, добавил на бумаге ещё одну строчку — 300 юаней, и сунул обратно Шао Ицюю в руки.

Шао Ицянъ поднял на него взгляд, полный отчаяния, и сдался:

— Грабёж так грабёж, но ты перегнул палку. Триста юаней за миску дешёвого проса?

Лю Цзивэнь спокойно ответил:

— Кто сказал, что эта каша для тебя? Эти триста юаней я даю тебе взаймы. Посмотри на себя, в таком виде нужно помыться, сменить бельё, поесть, ехать транспортом... Всё это требует денег.

Шао Ицянъ на мгновение застыл, поняв, что у этого человека, оказывается, есть сердце к младшим. Он ещё не успел проникнуться благодарностью, как подлец добавил:

— С этого дня проценты растут на один юань в день. Чем раньше вернёшь, тем лучше, подумай... Хм? По твоему виду, не хочешь брать? О'кей, не настаиваю.

Змейку нужно брать за семь дюймов, этот подлец знал, что он нуждается в деньгах как собака, и в такой ситуации остаётся только позволять себя крутить и вертеть. Проще говоря, он был у него в руках. Шао Ицянъ серьёзно подумал: сначала деньги, потом всё остальное, иначе не поешь, и о каком заработке может идти речь.

Тогда он злобно посмотрел на Лю-подлеца и, проглотив гордость, произнёс:

— Беру!

Лю Цзивэнь с удовлетворением достал печать, открывая крышку, спросил:

— Вижу, тебе жить негде, у меня как раз лишняя комната...

Шао Ицянъ подумал, что с неба упал пирог, сердце, разбитое тремьями юанями, тут же немного согрелось. Но он даже не успел открыть рот, как Лю-подлец снова ударил:

— Сдаю в аренду, пятьсот в месяц.

— ...

Умоляю, давай пока не о деньгах, обидно.

Спать на улице было то ещё удовольствие, к тому же существовал риск угодить в приёмник, но... пятьсот в месяц — это была недостижимая высота. Если перевести, пятьсот — это пять тысяч бутылок.

Неплохо. Вопрос, сможет ли он собрать столько, пока отложим, по крайней мере, в математике сделал огромный скачок.

Шао Ицянъ от злости закатил глаза и на время забыл подумать, какой подвох может быть в том, что незнакомец, с которым свела судьба, ни с того ни с сего оказывает милость. Он недовольно крикнул:

— Ты, мужик, с руками-ногами, зачем не пойдешь в мир покорять, а мелочишься из-за копеек? Какой же ты большой начальник... ой, ты ещё и дороги подметаешь.

Лю Цзивэнь несколько не почувствовал себя оскорблённым:

— Я такой большой начальник, я люблю подметать дороги. Позаботься о себе, такие, как ты, на подметание даже не возьмут, детский труд.

— ...

Возразить нечего.

Лю Цзивэнь поднял его и поставил в прихожей:

— Две комнаты, какую хочешь?

Шао Ицянь выглянул: обе комнаты примерно одинаковой площади, в одной от пола до потолка были завалены книгами, плюс большая половина пространства была забита газетами. В завалах газет прятался очень ветхий стол, на нём лежал открытый блокнот и авторучка без колпачка. В другой комнате, той, откуда он только что вышел, книг было меньше, кровать, стул, больше ничего.

Даже дурак знал бы выбор:

— Эту.

Лю Цзивэнь засучил рукава, спокойно сказал:

— Хорошо, давай помогай, вынесем кровать.

<http://bllate.org/book/16843/1549769>